

Андрей Михайлович Дышев

Война закончена. Но не для меня

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633485

Война закончена. Но не для меня : повесть / Андрей Дышев: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50042-0

Аннотация

Новый роман о боевых операциях группы специального назначения ВДВ Андрея Власова. Каждое задание – особо секретное и чрезвычайно важное. Каждое задание – смертельный риск, требующий мужества, отваги и верности воинскому братству. На этот раз легендарную команду из четырех бойцов забрасывают в Афганистан. Задание настолько засекречено, что многие его детали десантники узнают уже на месте. Например, то, что им придется переодеться в форму американских солдат. И что их маршрут пройдет через кишлаки, кишашие вооруженными талибами. И что они не должны рассчитывать на какую-либо помощь. Но об одном они узнали только в самый последний момент: что, выполнив задание, они должны погибнуть...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	17
ГЛАВА 7	19
ГЛАВА 8	21
ГЛАВА 9	23
ГЛАВА 10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Дышев

Война закончена. Но не для меня

ГЛАВА 1

Я, майор ВДВ Андрей Власов, стою у зеркала, смотрю на себя, то склоняя голову набок, то приподнимая лицо кверху: «Какая огромная разница между тем, что о человеке думают люди, и тем, что он думает о себе сам».

«Соседи предполагают, что я супермен...»

Я сгибаю руку в локте, напрягая бицепс, улыбаюсь.

«Подчиненные уверены, что я никогда не испытываю чувства страха...»

Я нахмуриваю брови и негромко, чтобы за дверью не услышала жена, рычу.

«Начальство считает, что я способен выполнить любое задание, разровнять Гималаи, утопить Японию и без единого выстрела захватить Соединенные Штаты...»

Я сказал «гык» и нанес резкий удар кулаком по полотенцу, висящему на перегородке. Полотенце словно крыльями взмахнуло, скомкалось и упало на мокрое дно ванны.

– Андрей! – донесся из-за двери голос жены. – Ты там живой? Что ты кряхтишь?

«А на самом деле... на самом деле никто не знает, как мне иногда бывает страшно, как иногда трудно сделать так, чтобы зубы не стучали и не дрожали руки. И смотрю я на бойцов, которым надо через минуту подняться под пули, и думаю: молодость – это наивность. Им не страшно, потому что они еще не знают, чем все это может закончиться... Я им немного завидую, мне кажется, что они не испытывают такого липкого, тошнотворного, поносного страха, какой испытываю я. У меня нет никого, кто был бы опытнее и мудрее меня, мне не на кого положиться, кроме как на себя самого. А у бойцов есть я – храбрый, всесильный супермен, рядом с которым можно расслабиться в полной уверенности, что все закончится хорошо... Слава богу, они не догадываются, как я на самом деле боюсь, как я проклиная судьбу и лелею в душе только надежду на чудо».

– Тебе звонил Кондратьев, – сказала жена, когда я с полотенцем на шее вышел из ванной.

Мужчины смеются, дразнят женщин, когда они выходят из ванной с намотанным на голову, как тюрбан, полотенцем. А сами-то! Вот спрашивается, зачем мужикам надо выносить из ванной мокрое полотенце на плече? Почему из ванной надо выходить именно так? А просто в руке его нести нельзя? Оно что – тяжелое? От воды или грязи? Или это демонстрация того, что я чист, помылся наконец-то, первый раз за минувший квартал, и теперь со мной можно и безопасно иметь дело...

Жена (ее зовут Мила), маленькая, милая, уютная, полная противоположность мне, стояла передо мной и сжимала в руке трубку телефона, как если бы это была граната с вырванным кольцом. Заглядывала в глаза. Она – не боец. В том смысле, что она знает про меня все, и разыгрывать перед ней супермена со стальными нервами нет смысла. А уж особенно, если звонил Кондратьев.

Кондратьев – начальник регионального отдела специального назначения, в недавнем прошлом работал в контрразведке и в группе «Вымпел». Я понятия не имею, почему я, российский офицер-десантник, работаю на ФСБ. Как-то незаметно и плавно так получилось. Сначала меня наградили, потом назначили командиром отдельного батальона, потом вывели в прямое подчинение главному ВДВ, а потом я случайно узнал, что все мои недавние спецоперации в Венесуэле, Иране и Норвегии были спланированы в центре специального назначения ФСБ. В подробности я не вникаю. Во-первых, потому что все равно от Кондратьева

правды не добьешься. А во-вторых, я вряд ли что-то пойму. У меня мозг устроен своеобразно. Он различает только белое и черное, врага и друга, жизнь и смерть, любовь и ненависть. Полутонов и переходов не видит напрочь. А в ФСБ – одни сплошные полутона и переходы.

– Он сказал: ровно в десять тридцать на том же месте... Только не волнуйся, умоляю тебя. Может быть, это просто...

– Сто пудов просто! – согласился я.

Я вру жене всегда. Почти всегда. Во всяком случае, в той части жизни, которую занимает служба. Если мне предстоит лететь на спецзадание, я говорю, что еду на рыбалку. Мои незадействованные в мероприятия бойцы носят ей рыбу из ближайшего супермаркета. Мороженую, так как другой у нас нет. Говорят, это вам Андрей с рыбалки передал. Если с операции меня привозят на носилках, я говорю, что перебрал маленько, сам дойти не смог. Если на моем брэнном теле Мила находит свежие раны и царапины, я говорю, что рыболовные крючки, зараза такая, очень острые. Мила внимательно смотрит мне в глаза, кивает и говорит неизменное: «Ну да. Конечно. Я так и поняла». И больше никогда не пытается меня, не возвращается к этой теме. Только глаза у нее в эти дни красные, она по целому флакону визина заливает.

И еще она очень увлекается иконами. Как мне ехать на очередную рыбалку, так в доме появляется несколько образков с какими-то тоскливыми физиономиями. Мила расставляет их по углам, перед книжками, между посудой. Я рассматриваю иконы, стараюсь понять смысл безжизненного взгляда многочисленных рыбьих глаз. «Этот похож на моего бывшего начсклада, прапорщика Балайко, – говорю я. – Проворовался, собака такая... А этот смахивает на капитана Фурсенко, начальника строевой части...» – «Не богохульствуй», – вяло ругает меня жена.

Я в Иисуса не верю. То есть его существование в далеком прошлом, конечно, не исключаю, но в то, что он – наш бог, ни-ни. С Милой на фабрике до недавнего времени работала молодая женщина. Был у нее ребенок, 7 месяцев, девочка. На пешеходном переходе коляску сбил пьяный сержант милиции. Несчастливая женщина чуть умом не тронулась. Соседки к ней священника приводили, чтобы успокоил. И тот говорил: бог дал тебе испытание, чтобы ты преодолела его и тем самым очистилась на пути к царствию божьему. Я вот что по этому поводу думаю: на хрен мне такой бог, который дает и без того несчастным женщинам такие скотские испытания! Ни хера себе защитник! Угробил малютку, чтобы молодая мать корчилась в невыносимых муках! И ради чего? Ради нравственного очищения? Да эта несчастная уже стала святой в этой поганой жизни! Она уже как в аду: восьмилетка в каком-то Задрищенске, потом техникум, фабрика, по холодным и грязным общагам с маленьким ребенком – одна, без мужа, полуголодная, холодная; она никогда не гуляла, не пила, не курила, горбатилась ради скудной зарплаты и койки в общаге, собирала копейки ребенку на будущее. Мало этих страданий было богу? Он решил уж совсем до конца ее испытать? Раздавить дитя, им же данное? Эх, люди, люди...

Вы спросите, а во что же я верю? Я скажу: я верю в великого Творца, создавшего Солнце и Землю. Не сомнительной тряпке, именуемой плащаницей, надо молиться, а бесспорным плодам деятельности Творца: чистому голубому небу, белым облакам, теплему дождю, плодородной земле, лесу, ветру, пресным рекам, зеленым лугам, хлебу, рыбе, которую я так и не выловил... Бывает, припрет так, что впору с жизнью прощаться. Как тогда, в Сибири, в районе Айхала, когда я с тремя новобранцами был окружен бандой беглых эков. Им нечего было терять, а нам неоткуда было ждать помощи, и всего горсть патронов на всех. А их двенадцать, и у каждого ствол. И они приближаются, ножи сверкают, сейчас кишки будут нам выпускать. Вот тогда я ткнулся лбом в землю и прошептал: «Земля родная, кормилица и мать моя! Не дай умереть от рук злодеев, дай мне, сыну твоему, силы и веры;

и ты, Солнце ясное, согрей мои окоченевшие руки, наполни их живительным огнем, помоги выдержать испытание...» И как же я потом шинковал этих поганых урок! И я цел остался, и парни мои, хотя домой мы вернулись на носилках. А эки так и остались в тех болотах гнить.

А еще я верю в мужскую дружбу, в преданность и честь. Верю в своих бойцов. Верю в волю и упорство – они делают чудеса. Верю своей жене, моему самому лучшему другу на свете. Вот, собственно, и все.

Однако отвлекаюсь. В десять тридцать на том же месте. Полковник никогда ничего не говорил мне по телефону. Только время. И упоминал «то же место». Не думаю, что это требования конспирации. Кому надо – вычислят нас и найдут «то же место» запросто. Скорее, это давняя привычка Кондратьева не договаривать, вслух произносить минимум информации. Я привык. Я давно привык, что меня используют втемную. Мне никогда не объясняют, зачем и кому это надо. Зачем, к примеру, срываться и лететь грузовым бортом в Венесуэлу, Камбоджу или в Австралию, а там через связного получать фотографию человека, который руководит неким сложным многоступенчатым процессом, который мне надлежит остановить. Я делаю свою работу без эмоций, без вопросов, без позиции и политических убеждений. Но я твердо убежден, что каким-то образом этот процесс приносил вред России, и теперь ей стало немного легче дышать. Без твердой, стопроцентной уверенности в том, что моя работа приносит пользу стране, я на задание не отправляюсь. Никогда. Принцип.

Когда я иду на встречу с Кондратьевым, у меня ноги подкашиваются от страха. Я ведь говорил, что на самом деле я трус. Я всего лишь тщательно скрываю это от окружающих. Когда получается трудно, я прибегаю к давно апробированным приемам. Если я с бойцами, то начинаю отдавать команды криком, ору, как на футболе: «А ну, парни!! Ощетинились!! Мы их сейчас на кусочки порвем!! Мы их в порошок разотрем!!» Бойцы – я вижу – сразу плечи распрямляют, лица их розовеют, подбородки уже не так дрожат. Начинают верить в то, во что я сам не верю: что порвем на кусочки, разотрем в порошок, на омлет взобьем... А врагов-то раза в три больше, чем нас, и наша «щетина» им похер, они обкуренные, одурманенные религией. Но мои парни верят! Раз я сказал, что порвем, значит, порвем, пусть их будет даже в сто раз больше!

До сих пор удивляюсь, какие же мои бойцы доверчивые. Я ляпну какую-нибудь глупость, что, типа, мы запросто перевал-шеститысячник за ночь пешком преодолеем по скользкому фирновому снегу и при морозе минус тридцать пять. Парни смотрят на обледеневшие скалы, глазами понимают, что я несу бред, но сердцем верят: раз командир сказал, что запросто, значит – запросто. И только я один знаю наверняка, что задача эта невыполнима, потому что преодолеть перевал мы должны до рассвета, иначе вертолет ждать не будет, и мы останемся в горах подыхать, и к тому же еще у нас раненый, да почти у всех обморожения, да не жрали трое суток, да сил уж почти не осталось, еле ноги передвигаем. Но уверенным голосом вру ребятам. И происходит чудо: с матом, со слезами, с болью и стоном мы переползаем через этот проклятый перевал и успеваем к вертолету в последнюю минуту.

Кто мне скажет, почему так?

ГЛАВА 2

– Давай, как всегда: я говорю, а потом ты докладываешь: к вылету готов. И расходимся. Времени нет совсем. Принять решение надо очень быстро.

Полковник Кондратьев шел чуть впереди меня и говорил, не поворачивая головы. Он был чуть ниже меня ростом, к тому же еще смотрел себе под ноги. В общем, мне надо было сильно напрягаться, чтобы не пропустить ни одного его слова.

– С тобой три человека. Вылет сегодня вечером. С собой ничего не брать. Ничего вообще. Десантируетесь на севере Афганистана. Недалеко от места приземления будет находиться тайник с экипировкой, оружием и средствами связи. Там же вы найдете карту с заданием. Всё.

Так коротко Кондратьев мне еще никогда не ставил задачу.

– Вопросы можно?

Кондратьев чуть повернул голову и посмотрел на меня снизу вверх.

– Ну ладно. Я попробую ответить, если смогу.

Кажется, я чего-то не понимал. Кондратьев был не таким, как всегда. Он говорил как-то странно... Мне трудно подобрать точное слово, но полковник как будто хотел передать мне совсем иную информацию, заострить мое внимание на чем-то другом...

– Как мы найдем тайник? – спросил я.

– На месте узнаешь.

– Нас будет кто-то встречать?

– Нет... – тут Кондратьев повысил голос: – Андрей! Мы заплатим тебе сто тысяч долларов, и по тридцать – твоим бойцам за выполнение задачи без лишних вопросов.

– Валера, ты же знаешь, я работаю не столько за деньги. Со мной торговаться бесполезно.

– Знаю.

Мы остановились посреди парка. Начал накрапывать мелкий дождь. Кондратьев поднял воротник плаща. Нынешний июнь выдался просто паршивым.

– Вы должны взорвать склад с готовым героином.

– Всего-то? – улыбнулся я. – Это уже какой будет по счету взорванный мною склад с наркотой?

– Взорвать так, чтобы от него осталась воронка, как от Тунгусского метеорита, – не ответив на мой вопрос, добавил Кондратьев.

Мимо пробежал сухой, как щепка, старик. Кроссовки на его коротких и тонких ногах казались огромными и неподъемными. Мы молча ждали, когда он удалится. Я успел поймать взгляд полковника. В его глазах прятался страх.

– И охота ему бегать в такую погоду... – пробормотал он, глядя в спину убегающего старика.

– Если надо только взорвать склад, – сказал я, – то не проще ли десантировать нас уже экипированными и с оружием прямо на этот ваш склад, как мы уже делали в Венесуэле или на пароме в Аденском заливе?

Кондратьев некоторое время молчал, покусывая кончики седых усов. Я убеждал себя в том, что они у полковника ненастоящие, наклеенные. Мой униженный интеллект требовал компенсации, вот я и придумывал всякую хренотень про полковника: то усы у него ненастоящие, то глаза стеклянные, то он вообще не человек, а биоробот. Это я морально готовился к предстоящей едкой иронии. Если я пытался умничать и предлагал Кондратьеву свой план действий, он всегда издевался надо мной, как злой учитель над двоечником. Но на этот раз полковник ответил без издевки:

– Мы бы десантировали вас с оружием и взрывчаткой, если бы это было возможно.

Никогда еще я не слышал из уст Кондратьева столь неубедительной интонации. Вяло, лениво, заученно, словно непутевый ученик в сотый раз выдавал учителю одну и ту же придуманную причину невыученных уроков: я болел, у нас вырубил свет, я потерял дневник...

И смотрит, смотрит на меня, прожигает взглядом, слово хочет крикнуть: ну же, Андрей! ты понял, что я хочу тебе сказать? ты внимательно следишь за тем, что я тебе говорю?

Хрен поймешь этих фээсбэшников!! Говорят одно, другое на уме, третье в кармане, четвертое в рефлексах. Вот почему я никогда не отношусь к ним с доверием, хотя и работаю на них последние два года. Мне ближе по душе простые армейские командиры. У этих парней все четко и ясно, без недомолвок и намеков. Бить – значит бить, а не целовать.

Я всматривался в глаза Кондратьева до боли, но ничего в них не видел. Подмывало спросить открытым текстом, типа, Валера, я что-то не догоняю, говори прямо! Но, предупреждая меня, Кондратьев быстрым движением прижал палец к губам.

– Ну что? – со свежей интонацией громко спросил он. – Ты готов?

«Он боится прослушки», – понял я и, не думая больше о последствиях, не мучаясь вопросом, правильно ли я понял его мутные намеки, на одном дыхании произнес:

– Конечно, готов! А когда я отказывался послужить Родине?

По лицу полковника пробежала едва уловимая тень.

Кажется, я сказал что-то не то.

– Ну и замечательно, – пробормотал Кондратьев и ускоренной походкой двинулся к выходу из парка. – Замечательно...

Я поспешил за ним. Дождь усиливался. Теперь мои мысли были заняты вопросом, как я расскажу Миле о предстоящей «рыбалке». Дело в том, что завтра мы собирались на банкет в честь пятидесятилетия ее старшего брата Сергея. Уже подарок купили – какую-то нереальную космическую электрогитару, сверкающую лаком и неоновыми огнями. Миле придется идти одной.

Я заметил, что Кондратьев, идущий впереди меня, что-то нервно ищет в карманах, как будто сигареты. Но он никогда не курил.

– Замечательно, – бормотал он. – В шесть вечера за тобой заедет машина. «Хёндэ Туксан», номер – две шестерки девять. Твои бойцы уже ждут тебя в Чкаловском...

Он на ходу расстегивал верхние пуговицы плаща. Сунул руку в нагрудный карман... Я шел чуть сзади и не видел, что он оттуда достал. Ссутулил плечи, опустил голову... Казалось, что он, не останавливаясь, пытается собрать кубик Рубика.

На выходе из парка он резко остановился, повернулся ко мне. Я едва сдержал эмоции. Кондратьев смотрел на меня жестко и решительно.

– До встречи! – произнес он, протягивая мне руку. – Желаю удачи!

Пожимая его сухую, широкую ладонь, я почувствовал в ней скомканный обрывок бумаги. Принял его и сжал в кулаке. Что за конспирация?! Первый раз полковник так странно себя ведет!

Я не стал провожать его взглядом – так меня учил расставаться Кондратьев, – сразу повернулся и пошел в обратную сторону. Свернул с главной аллеи в сторону и зашел в парковый туалет. Там, в одиночестве, в тишине, у писсуара, я развернул листок, вырванный из записной книжки:

«Ни в коем случае не вылетай».

О-па! Все круто меняется!

ГЛАВА 3

Мне надо было некоторое время, чтобы прийти в себя и сообразить, что же мне теперь делать.

Я брел по улицам, не слишком заботясь о том, в какую сторону направляюсь. Первый раз я видел Кондратьева, над которым довлела некая более могущественная, чем он сам, сила. Он ее боялся, он не мог говорить со мной открытым текстом, предполагая, что в его одежде спрятано подслушивающее устройство. Он очень не хотел, чтобы я согласился на командировку в Афган, но не мог произнести это вслух. Он пытался подать мне знаки, но при этом опасался, что те, кто его прослушивают, догадаются о его двойной игре. И ничего не нашел лучшего, как написать мне записку.

Для опытного разведчика это был явный и непростительный ляп. Увидеть, что человек пишет на ходу записку, можно с километра при помощи обыкновенного бинокля. Но Кондратьев пошел на этот ляп сознательно, так как не видел другой возможности предупредить меня. Я бы сказал, это был шаг отчаяния. Это случилось почти спонтанно. Кондратьев внезапно заподозрил слежку за собой. Почему? Ему показался подозрительным бегущий по аллее старик?

Мила не звонила. ФСБ невольно выдрессировало и ее через меня. Когда я уходил на встречу с Кондратьевым, она не смела звонить мне и терпеливо ждала моего возвращения столько, сколько было нужно. Впрочем, я никогда подолгу не общался с полковником. А в этот раз наша встреча заняла всего-то минут пять-семь.

– Извините!

Молодой человек с раскрытым зонтиком задел меня плечом, извинился и тотчас затерялся в людской толпе. Я брел по бульвару, где в этот час всегда было многолюдно. Я стоял посреди тротуара, пытаюсь высмотреть того, кто меня толкнул. Ну, Андрюха, ты уж совсем стал подозрительным, хуже Кондратьева!

Меня толкали, я всем мешал. Нормальная жизнь, нормальные люди. Я с перепугу начал строить мрачные догадки. Да кто его знает, какие интриги плетутся в недрах Конторы! Может быть, теперь прослушивается каждый фээсбэшник, когда он общается с партнерами. Так сказать, для контроля и для предупреждения развития коррупции в светлых рядах самой могущественной организации. И Кондратьев, зная об этом, вроде как убеждал меня согласиться, а на самом деле искренне советовал отказаться от этой авантюры. Скорее всего, операция слишком опасна, а сумму обещанного гонорара следует разделить на десять... Значит, никуда я не лечу, а иду завтра на юбилей Сереги!

Теперь я осознанно осмотрелся вокруг, чтобы точнее сориентироваться – куда это я забрел? Я стоял посреди бульвара, одним торцом примыкающего к парку. Недалеко пестрел всеми цветами радуги стеклянный киоск, торгующий цветами. Что ж, заодно можно купить букет, чтобы завтра с утра не париться. Я только сделал шаг в сторону киоска, как вдруг увидел Кондратьева. Полковник двигался по тротуару метрах в пятидесяти от меня; шел он медленно, сунув обе руки в карманы плаща и не обходя луж. На бульваре парковка автомобилей была запрещена, и Кондратьев, скорее всего, шел на перпендикулярную улицу, к супермаркету, рядом с которым наверняка была припаркована его машина. Он вряд ли знал, что я здесь, а я, конечно, вовсе не собирался снова попадаться ему на глаза.

Я сбавил темп, чтобы не приближаться к полковнику, и с деланой озабоченностью смотрел в сторону, где группа подростков прыгала по ступеням на скейтбордах.

И вдруг я услышал пронзительный свист тормозов и почти одновременно – два выразительных щелчка.

Эти щелчки я безошибочно отличу от тысячи других похожих звуков: от удара хлыста, от падения кирпича, от пощечины, от автомобильных столкновений. Это были выстрелы из пистолета – резкие, чуть протяжные, чуть оглушающие, с коротким дворовым эхом.

Обернувшись, я увидел, что Кондратьев лежит на мокром тротуаре лицом вниз. Одну руку он откинул в сторону, вторую придавил телом, будто в последнее мгновение пытался сунуть ее в наплечную кобуру и вытащить пистолет.

Темная машина выехала на перекресток и, не снижая темпа, свернула на боковую дорогу.

Где-то недалеко истошно закричала женщина. Подростки замерли, глядя на лежащего в луже человека. Кто-то громко, быстро говорил и махал рукой в ту сторону, где скрылась темная машина.

Я почувствовал, как у меня охватило жаром ноги. Так всегда у меня бывает перед боем.

Рядом с Кондратьевым стали скапливаться люди. Пожилой мужчина присел перед ним на корточки. Движения его были точные и осмысленные. Наверное, врач. Перевернул тело на спину. Прижал ладонь к сонной артерии. Приподнял веко. Выпрямился, покачал головой.

Я сжимал кулаки. Тупые рефлексывынуждали меня готовить к бою оружие, но оружия не было. Благоразумие удерживало от того, чтобы кинуться к лежащему на асфальте полковнику. Я медленно пятился, скрываясь за спинами людей, которых повсюду становилось все больше.

По закону жанра и просто по моему богатому опыту, следующий выстрел должен быть адресован мне.

Тихо пятясь, я дошел до козырька поликлиники, затем повернулся и побежал по дворам. Перепрыгивая через скамейки и раскрашенные ядовитыми красками снаряды, пересек детскую площадку. Ломая цветы и кусты, прорвался сквозь заросли палисадника. Оттуда нырнул в арку, с чугунной решеткой и калиткой. Еще один двор... Пешеходная зона... Еще детская площадка... Я бежал по маршруту, который был непреодолим для автомобилей. Быстрее, быстрее! Меня гнал вперед выработанный за долгие годы военной жизни рефлекс. Я не раздумывал над тем, что произошло, за что стреляли в полковника и кому было нужно его убить. Для размышлений на эту тему еще будет время. А сейчас я должен отреагировать на убийство полковника и на возможную угрозу в свой адрес.

Три километра за шесть минут – мой стандартный результат. Я постучал в окно дежурного трехэтажного гаражного комплекса.

– Привет! Пропуск и ключи забыл дома. Дай мне дубликат из сейфа.

– Привет, Андрей. Нет проблем!

Охранник протянул мне ключи от машины. Я взбежал на третий этаж, сел за руль своей «БМВ-Туринг» и, заводя мотор, позвонил Миле.

– Собирайся, вечером едем в Гагарин, – сказал я.

Пауза. Мила услышала кодовое слово. Я чувствовал, как учащаются ее сердечные сокращения.

– Ясно, – произнесла она после небольшой паузы. – Хорошо.

Это было кодовое слово – «Гагарин». Такой город на самом деле есть в Московской области, но ни я, ни Мила никогда в нем не были. Просто мы с ней давно договорились: если я говорю ей, что вечером (завтра утром, послезавтра вечером – это все варианты) мы едем в Гагарин, то ей следует немедленно, бросив все дела, хватать тревожную сумку с запасными трусиками и набором косметики-гигиены, оба паспорта, банковские карточки и деньги и ждать меня у дверей, чтобы выехать к черту на кулички. Почему именно «Гагарин» стал кодовым словом? Да потому, что ассоциации с этим светлым именем самые скоростные, стремительные и предполагающие улет на очень большое расстояние.

Мне не пришлось даже подъезжать к подъезду – моя милая Мила перехватила меня на остановке автобуса. Запрыгнула в машину и раздраженно швырнула сумку с вещами в обширный багажник.

Мы ехали молча, пока я не вырулил на Симферопольское шоссе и не разогнался до двухсот км/ч.

– Кондратьева убили, – сказал я.

– Странно, что и не тебя вместе с ним! – ответила Мила.

Кодовое слово «Гагарин» – это вестник крупного ЧП в нашей семье. Я произношу его редко, но когда это случается, Мила настраивается на самый худший вариант развития событий. По тому, как быстро она отреагировала на сообщение о полковнике, можно было сделать вывод, что, собирая тревожную сумку, Мила предположила несколько причин столь стремительного бегства из квартиры. Наверняка убийство Кондратьева она считала самой вероятной причиной. Она у меня умница. Помню, она как-то сказала: «Боюсь я этого Кондратьева. Точнее, боюсь за тебя, когда ты с ним рядом. Он мне напоминает тротилловую шашку».

Через час мы были на даче. Дача – это крепкий пятистенник из шлифованного финского бруса с итальянской черепицей, небольшими квадратными окнами, похожими на бойницы, окруженный мощным сосновым частоколом высотой три метра. Дом стоит на самом отшибе дачного поселка, и соседи между собой называют наше гнездышко не иначе как «бастион». Записана она на девичью фамилию тещи – Бахметьева, меня вокруг все знают как «Коля Бахметьев», директора частного предприятия по сборке немецких насосов. В общем, жутчайшая конспирация. Это все Кондратьев меня научил. Эх, Валера, Валера.

Мы сидели в нижней гостиной, я разжигал камин, чтобы просушить и прогреть сырой воздух. Громко тикали ходики с кукушкой. Сосновые щепки трещали, пламя накручивалось на березовые чушки.

Хорошо я спрятался. Хрен меня кто достанет! В сейфе на втором этаже хранится целый арсенал оружия. Молодец, храбрый майор Власов по прозвищу Командир. Эка быстро дал стрелача! Только пятки сверкали. Прыг-скок – и нет меня! А найдите теперь... Если, конечно, я на хер кому-нибудь нужен, чтобы меня искать...

Стыд сжигал меня изнутри, сердце и легкие разогревались, как овальная сцена камина.

По напряжению Милы я понимал, что она ждет продолжения, что ничего еще не кончилось, а только все начинается. Она слишком хорошо меня знала. Она видела, что я унижен и раздавлен своим поступком, но даже не пыталась меня успокоить и переубедить. Она просто ждала, когда я уйду.

Конечно, можно было бы пересидеть здесь несколько дней, а потом связаться с замом главкома ВДВ, который до недавнего времени распоряжался мною и моими бойцами. Рассказать, что произошло, показать ему записку Кондратьева, объяснить свои действия заботой о безопасности семьи. По большому счету я не совершил ничего противозаконного. Год назад зам главкома сказал мне: «Отныне ты подчиняешься лично Кондратьеву. Любой его приказ – это для тебя закон». Последняя записка Кондратьева со словами «**Ни в коем случае не вылетай**» – это тоже приказ. И я его выполнил.

Но почему же так тяжело на душе? Почему я не просто страдаю от потери командира и хорошего товарища, а мучаюсь угрызениями совести?

А потому, что я струсил. А ведь мог бы кинуться к первой попавшейся машине, выкинуть оттуда водителя и погнаться за черной иномаркой? Мог бы. Конечно, дров бы я наломал немерено. Потом бы все ФСБ плевалось, как уже не раз бывало, а директор, сжав зубы, нервно бы цедил: «Когда вы угомоните этого выскочку Власова? Он своей стрельбой (дракой) опять спутал нам все карты и ликвидировал важных свидетелей». Но зато совесть моя была бы чиста.

Совесь. А что такое совесть? А это я и есть – майор спецназа ВДВ Андрей Власов по прозвищу Командир.

Я – единственный, кто видел последние минуты жизни Кондратьева, кто обладает важнейшей информацией. У меня не было никакого сомнения: его убили за то, что он неправильно повел себя со мной. Он не должен был отговаривать меня от полета в Афган. Он должен был сказать мне совсем другие слова. Не смог. Попытался спасти мне жизнь, но расплатился за этой своей.

Я протянул Миле ключи от сейфа с оружием. Она все поняла. Встала, прижалась лбом к моей груди.

– Где будешь рыбачить на этот раз?

– В Афгане. Там сейчас клёв – ой-ой-ой!

Не знаю, всегда ли справедливы те награды, которыми обвешана моя грудь. Но знаю точно, что нет на свете таких орденов и медалей, которыми можно было бы оценить великое терпение и мужество моей любимой. Она терпела эти пытки уже пять лет. До этого я был женат трижды. Первая сбежала от меня через месяц, вторая – через неделю. Третья жена продержалась полгода, из которых три месяца я провел в госпитале и месяц – в Анапе на реабилитации.

Словно читая мои мысли и опровергая мои сомнения, Мила произнесла:

– Я очень счастлива с тобой...

– С чего это вдруг? – искренне удивился я.

– Ты всякий раз даришь мне мечту... Мечту увидеть тебя живым и здоровым. С этой мечтой я буду засыпать и вставать. Буду встречать солнце и провожать его. Буду считать дни и представлять, как открывается дверь и тыходишь в комнату, залитую солнечным светом...

Она у меня немного поэт. И хотя я в поэзии почти что не рублю, от слов жены у меня мучительно заныло в горле и на глаза навернулись слезы.

ГЛАВА 4

Мне нравятся такие затылки – крепкие, гладкие, без складок. Человек, к которому меня привели, был рослым, плечистым, совершенно лысым. Его внушительного объема грудная клетка красноречиво выпирала из ладно скроенного пиджака. Крупная яйцевидная голова сидела на плечах как влитая. Когда я вошел в комнату инструктажа штурманов на КП «Чкаловское», он стоял ко мне спиной, но я сразу почувствовал идущую от него мощь и властолюбие. Поворачивался он ко мне лицом медленно, причем всем корпусом, будто шея не вращалась, и мне показалось, что его могучее тело при этом издает кожаный скрип.

– Владимир Владимирович, – представился он и снял темные очки.

Лучше бы он этого не делал. Глазки у него оказались маленькие, невыразительные, очень светлые, водянисто-голубые, отчего черные, расширенные в слабо освещенной комнате зрачки напоминали змеиные.

Мне представили его так: «Очень крутой генерал из близкого окружения президента, который курирует вопросы коррупции в высших эшелонах власти». И еще я понял, что этот генерал – прямой начальник несчастного Кондратьева.

То, что он действительно был очень крут, я догадался по внешнему виду и количеству его телохранителей. Их было пять рослых долбоебов, как и босс, выбритых наголо. Качественная дрессировка сразу бросалась в глаза: бульдоги были профессионально напряжены, предельно внимательны и чутки к любому движению и звуку, который доносился снаружи. Мне даже показалось, что они одновременно и безостановочно водят носами и шевелят ушами.

– Так это и есть тот самый легендарный майор Власов? – резиново улыбаясь, спросил генерал. – Я тебя, в общем, таким и представлял.

Видимо, сейчас начнется долгий и утомительный допрос на тему: что мне говорил в последние минуты жизни полковник Кондратьев, что я ему отвечал и как я себя вел, и не было ли со мной оружия, и не заметил ли я чего-нибудь подозрительного. В связи с прибытием столь высокой и важной персоны мой вылет если уж не отменят вовсе, то задержат на неизвестное время. Кто его знает, что у этих генералов ФСБ на уме. А вдруг они уже начали меня подозревать?

Генерал сел за стол и некоторое время пристально рассматривал меня.

– Вам задача ясна, майор? – спросил он вовсе не то, что я ожидал от него услышать.

Я неуверенно двинул одним плечом.

– Вопросы есть?

«Вопросы есть?» – это дежурный армейский вопрос, на который, как правило, предполагается отрицательный ответ, и означает он окончание инструктажа и переход к активным действиям.

Я настолько подготовился к допросу, так старательно выстроил в уме последовательность изложения печальных событий на бульваре, что даже немного растерялся: получалось, что мои объяснения никому не были интересны. Скорее всего, фээсбэшник даже не предполагал, что я не только был последним человеком, с кем говорил Кондратьев. Я был свидетелем его убийства.

– У меня вопросов нет, – ответил я. – Но полагаю, что у вас должны быть ко мне вопросы, как к свидетелю убийства Кондратьева.

Лысый генерал, не сводя с меня глаз, протянул руку, взял чашку с чаем, отпил глоток.

– Вот как? Чего же вы молчите? Рассказывайте!

Я рассказал все, что видел и запомнил. Только голые факты и никаких предположений и версий, так как хорошо знаю, что ребята из конторы, как, собственно, и следователи-менты и прокуроры, терпеть не могут, когда версии строят дилетанты вроде меня.

– Это очень ценная информация, – произнес генерал, когда я замолчал. – Номера машины запомнили? Нет? Очень жаль.

Он поднялся из-за стола. Я понял, что он больше не имеет ко мне никаких вопросов, а также не ждет их и от меня. Скорее всего, моя информация ему на фиг не нужна была. Все, что я видел, наверняка записали камеры наружного наблюдения, и записи либо уже исследовали эксперты, либо сделают это в ближайшее время.

– Не забивайте себе голову, – говорил он, прохаживаясь вдоль стены, и охрана, наблюдая за ним, одновременно двигала головами, как котята в лукошке. – Мы знаем, почему его убили, и знаем, кто его убил. Найти этих предателей и заговорщиков нам не составит труда. Как бы ни была могущественна и коррумпирована российская наркомафия, мы все равно переломим ей хребет.

Бульдоги едва заметно напрягли уголки своих крепко сжатых губ, то есть ухмыльнулись, подтверждая слова шефа. Эти точно переломят хребет кому угодно.

– Тем более... – генерал остановился рядом со мной. – Тем более что в борьбу с этой мафией подключился сам легендарный майор Власов.

За окном оглушительно молотил пропеллерами пузатый «Антей» с символами Красного Креста и Полумесяца на бортах. Стекла дрожали. Генерал заговорил громче:

– Американцы как никогда заинтересованы в увеличении массы наркотрафика из Афганистана в Россию. Они не только не препятствуют производству героина, но даже поддерживают и модернизируют его. Они оправдываются тем, что, дескать, беспокоятся о судьбе трех миллионов афганцев, которые работают в наркобизнесе и которые неминуемо умрут с голода, если этот бизнес свернуть. Но это все ложь. Причина в другом.

Первый раз со мной проводили политинформацию перед заданием. Я привык, что фээсбэшники всегда скупы на информацию, и часто мне приходилось выуживать ее у них едва ли не клещами. Владимир Владимирович ломал стереотипы. Я уже устал стоять и хотел поскорее загрузиться в самолет, в провонявший горелым керосином, наполненный оглушающей гаммой моторов грузовой отсек, и там, глядя в иллюминатор на далекую затуманенную землю, на несколько часов уйти в себя, остаться наедине со своими мыслями и нервами.

– В среде высокопоставленных чиновников России есть человек, контролирующий весь поток наркотиков из Афганистана в Россию, – продолжал политинформацию генерал. – Кто этот человек – мы пока не знаем. Но нам известно, что он платит огромные деньги крупным политикам США, а те лоббируют в сенате законы о невмешательстве НАТО в наркобизнес Афганистана. Мы знаем, кто входит в это лобби, и сканируем информацию, которая поступает к ним из США. Вот по этой информации, как по ниточкам, мы и намерены выйти на нашего российского пахана. Но нужен серьезный сбой в системе поставок наркотиков, которую охраняют американские военные. Нужна «производственная авария» с колоссальными убытками. Это выведет нашего пахана из себя, и он отправит лоббистам в США гневные сигналы. Мы перехватим эти сигналы и вычислим его. А потом я оторву ему голову.

Последнюю фразу генерал произнес столь убедительно и умиротворенно, что я даже ярко представил себе, как он будет это делать.

– Ваша задача, майор, совершить эту самую «производственную аварию». Во благо нашей Родины и ее процветания. Вся надежда на вас...

«Сейчас он меня обнимет», – подумал я.

Генерал шагнул ко мне и обнял.

ГЛАВА 5

Самолетная рампа захлопнулась за мной, как крышка гроба. Несколько мгновений, пока мои глаза привыкали к сумеркам, я ничего не видел. Моторы взревели, самолет начал выруливать на взлетную полосу, внутри отсека все заскрежетало и заскрипело. Я ухватился за такелажную веревку и, держась за нее, добрался до скамейки, на которой сидели мои бойцы.

Вот тут и начались непонятки.

Троих я, конечно, сразу узнал. Это были контрактники из моего десантного батальона – сержанты Удальцов (Удалой), Остапенко (Остап) и Смолин (Смола). Все одеты в «гражданку»: в джинсы и футболки. Пляжники, а не бойцы!

Четвертого бойца (одет в песочный костюм, стилизованный под «Camel» с безрукавкой) я видел первый раз в жизни. Едва я сел на скамейку рядом с ними, как самолет пошел на взлет, и бойцы дружно качнулись в мою сторону, а незнакомец, безуспешно пытаясь схватиться за воздух, чувствительно толкнул меня своим мосластым боком. Я подумал, что ребра у него сделаны из железа, да еще и заточены, как кинжалы.

– Вы кто? – спросил я у него.

– Командир взвода Игорь Фролов, – представился он таким тоном, будто был Дмитрием Анатольевичем Медведевым.

– Какого взвода? Первый раз вас вижу.

– А я не из десантуры, – с нотками пренебрежения, как мне показалось, ответил он. – Я из службы специальной связи ФСО. Надеюсь, вы знаете, что это такое?

– А вы что... летите с нами?

– Правильнее сказать, что мы все летим в одно место.

– Значит, вы тоже будете десантироваться? – на всякий случай уточнил я. Вдруг этот парень сопровождает правительственную почту и к нашей операции не имеет никакого отношения, а я буду вытаскивать его из самолета с парашютом.

– Да.

– Вас инструктировали? Вы знаете, что мы должны сделать?

– Конечно.

– И даже проходили подготовку по диверсионно-подрывному делу и прыгали с парашютом?

Командир взвода из службы специальной связи ФСО уже не скрывал своего высокомерия.

– Глупые вопросы, – ответил он. – Позаботьтесь лучше о том, чтобы ваши люди вели себя адекватно и не провалили задание!

Меня как холодной водой окатили. Вот это заявочки!

Я кинул взгляд на своих бойцов. Они прекрасно слышали наш разговор, но с каменными лицами занимались собой: Удальцов обрабатывал маникюрной пилочкой ногти, Остапенко жевал жвачку и смотрел в потолок, а Смолин делал вид, что читает книгу. Все ждали моей реакции. Я так думаю, что они уже пообщались с этим типом из Федеральной службы охраны и свои выводы сделали. Удивляюсь, что этого самоуверенного Фролова они не выкинули из самолета, когда рампа еще была опущена.

Надеясь, что это все-таки ошибка или недоразумение, я пересчитал парашютные сумки, сложенные под скамейкой напротив. Пять. И нас пятеро. Значит, этот тип точно прыгнет с нами.

Я, как пьяный, держась за перегородки, вломился в пилотскую кабину.

Самолет только оторвался от взлетки и, круто набирая высоту, начал поворот на курс.

– Парни, мне надо срочно связаться с землей! У нас на борту посторонний!

– «Молния-50», после взлета, 110 метров занял, прошу разрешить правый разворот, – произнес командир корабля. Он разговаривал с диспетчером и переводил быстрый взгляд с прибора на прибор.

Я понял, что пока самолет не ляжет на курс и не займет свой эшелон, командир по отношению ко мне будет глух и слеп. Безопасность полета была для него важнее, чем какой-то посторонний пассажир.

Я крепко взялся за плечо второго пилота.

– Мне надо связаться с диспетчером!

– Это невозможно! – крикнул второй пилот. – У нас жесткая инструкция. Четверых пассажиров привезли на посадку по спецпропускам... Контролировал комендант и руководитель полетов! Посторонних тут быть не может!

Я чертыхнулся и пошел в отсек. Кондратьев обещал, что со мной будут трое моих парней. Я никогда не ходил на задания с незнакомыми людьми. На любые, а тем более особо важные операции, я отправлялся исключительно с проверенными бойцами. Незнакомый боец – это хуже кота в мешке. Он не работал в нашей группе, он не тренировался с нами во взаимодействии, он не проходил психологическую подготовку по совместимости. Да и мы не знаем его возможностей и способностей.

У входа в отсек передо мной выросла рослая фигура Остапенко. Редко когда я видел этого могучего флегмата столь озабоченным.

– Командир, что это еще за чмо? – спросил он, хмуря брови и перекатывая за щекой жвачку.

– Не знаю. Откуда он взялся?

– Его привезли к самолету на отдельной машине. Мы думали, ты в курсе. Удалой намерен запереть его в сортире и десантироваться без него. Смола предлагает набить морду. А я...

– Отставить, – сказал я. – Вам только дай волю, вы кому угодно в сортире морду набьете... Кстати, я не вижу снаряжения!

– Мы тоже удивились. Спрашивали у коменданта, тот пожимал плечами, говорил, что не в курсе. Только парашюты и больше ничего – ни стволов, ни ножей, ни компасов, ни сухпая... Мы вообще в какой район прыгаем? Кундуз? Баглан? Наманган?

– Руководство считает, что нам об этом знать не обязательно.

– Если на Гиндукуш или Памир, то в таком виде мы быстро превратимся в свежемороженые блинчики с мясом..

– Могу тебя успокоить, мы можем и не дожить до приземления. Ребятам передай, чтобы не сводили глаз с этого типа. Не исключено, что у него оружие под футболкой.

– С чего ты взял?

– Когда самолет качнуло, он ко мне прижался, и я почувствовал.

– Так у него с собой еще безрукавка с карманами, набитыми невесть чем. Надо бы обыскать...

– При Кондратьеве таких сюрпризов не было, – вслух подумал я.

Остап не понял, что значило «при Кондратьеве», но я не стал рассказывать подробности сегодняшнего утра и вернулся на свое место у иллюминатора. Может быть, этот офицер из ФСО – нормальный спец, приданный нам в помощь, а многие непонятки нужно объяснить новым стилем нового руководства. Во всяком случае, в ближайшие часы все должно было определиться.

ГЛАВА 6

Самолет занял нужный эшелон и теперь молотил лопастями разреженный воздух на высоте девять тысяч километров. Под нами проплывал юг России. Каждый из нас занимался своим делом. Мое любимое дело во время вынужденного безделья – это толочь воду в ступе. Скверная привычка, но избавиться от нее я не в силах. Вот сижу, уставившись в одну точку, и жонглирую обрывками мыслей:

«Без оружия я чувствую себя неудобно...»

«Что-то я волнуюсь за Милу...»

«До Афгана пять часов лету. Десантироваться будем в полной темноте...»

«В полной темноте, без сигнальных средств и радиостанций...»

Последняя мысль вынудила меня вскочить на ноги.

– У кого есть зажигалка? – спросил я у своих ребят.

Никто из них не курил, никому из них, судя по внешнему виду, не дали толком собраться. Вероятность наличия у кого-нибудь зажигалки была равна нулю.

– Командир, – со свойственной ему обстоятельностью ответил за всех Удалой, рассматривая свои руки с тонкими и длинными, как у пианиста, пальцами. – Мы уже об этом перетерли. И я предлагаю следующее: Смола, как самый шустрый из нас, будет добывать огонь при помощи трения двух сухих палочек. Остап, как самый хладнокровный, будет собирать омерзительные личинки светлячка афганского обыкновенного, иными словами *Luciola dushmanis vulgaris*. Я, как обладатель самого тонкого музыкального слуха, буду прислушиваться к нашим шагам в потемках и координировать движение группы в одну точку. А этот...

До меня только теперь дошло, что весь этот длинный монолог был задуман Удалым для того, чтобы спровоцировать активное знакомство с офицером ФСО. Но вмешиваться я не стал, ребята свое дело знали хорошо.

– А этот... – Удалой повернулся к нашему новому коллеге и стал подыскивать подходящее ему прозвище. – Игорь Фролов, Игорь Фролов... Значит, будешь Фрол! Так ты, Фрол, как большой специалист по внешним и внутренним связям, будешь обозначать свое местоположение громким и пронзительным писком, имитирующим морзянку. Сигнал SOS знаешь как звучит? Три точки, три тире, три точки...

Фролов вскочил, сжал кулаки. Его лицо покрылось пунцовыми пятнами.

– Запомни, урка мокрушная! Я на уголовное погоняло не отзываюсь. И прошу обращаться ко мне по званию! В крайнем случае – гражданин начальник!

– Опаньки, – с оживленным интересом произнес Удалой, и глаза его заблестели от удовольствия. – Чувствую себя низменным червем. Но ситуация требует того, чтобы сказать пару умных слов. Сперва должен заметить, что прозвище – это вовсе не погоняло, как ты изволил выразиться. Это боевой псевдоним, упрощающий и маскирующий коммуникацию между бойцами группы во время выполнения ими боевого задания.

Во время этой легкой перепалки Остап демонстрировал полнейшее равнодушие к происходящему, а Смола вообще дремал. Но если для Остапа – могучего флегмата – подобная индифферентность была свойственной, то по обыкновению вспыльчивый, огненно-горячий Смола сейчас сам на себя не был похож.

– Так, например, мое прозвище Удалой, – как ни в чем не бывало, продолжал Удалец, словно не замечая, как Фролов медленно заводит правую руку за отворот безрукавки. – Ты будешь смеяться, но такое оптимистическое прозвище мне дали в детдоме. А вот это – мой сослуживец Остап (плавное движение головой в сторону Остапенко), кавалер двух орденов Мужества, ордена «За военные заслуги» и медали «За отвагу». У него шесть ранений и две контузии, но это не мешает ему отжимать от груди сто семьдесят...

– Сто восемьдесят, – скромно поправил Остап.

– ...сто восемьдесят килограмм и одним ударом кулака валить на землю быка.

Ладонь Фролова полностью ушла под отворот куртки. Не думает ли этот странный тип пугать нас пушкой?

– А это дремлет у окна сержант Смола, – продолжал Удалой. – Когда-то за его голову арабские наемники обещали миллион – я подчеркиваю! – миллион долларов! Он принимал участие в освобождении заложников на Дубровке и в Беслане, его пятнадцать раз отправляли на спецоперации, из которых обычные люди не возвращаются живыми. А Смола – не обычный. Только в прошлом году он лично доставил живьем в руки правосудия дюжину самых отмороженных террористов, маньяков и буйно помешанных. Есть совершенно достоверные сведения, что при упоминании имени Смола у великого Усамы начинается тахикардия и повышенное потоотделение... Я ничего не напутал?

– По данным сайта Wikileaks, – со значением в голосе поправил Остап, – у него начинается не тахикардия, а энурез и педикулез.

– И, наконец, наш командир – майор Власов по прозвищу Командир. – Удалой перевел насыщенный патриотизмом взгляд на меня. – Нам он позволяет называть себя просто командир. Но тебе, специалист по связи, я настоятельно рекомендую обращаться к нему на «вы» и «товарищ майор». Надеюсь, я понятно выразился?

Фролов расслабился, хотя его глаза все еще были мутными от недоверия.

– Ладно, – произнес он, опуская руку. – Договорились. Но и ко мне прошу обращаться по званию.

– По какому такому званию? – нахмурился Удалой. – А откуда нам знать, что у тебя есть звание? Ты не в форме. Начальство нам тебя не представляло. Удостоверение личности офицера ты нам не показывал. С такой же легкостью ты можешь назвать себя майором. Или контр-адмиралом.

– Вы тоже не представили мне ваших удостоверений, – парировал он.

– Согласен, – кивнул Удалой. – Но нас больше, и диктовать условия будем мы. Разве у тебя есть выбор?

– Есть, – ответил Фролов, сел на скамейку и крепко сложил руки на груди.

Идти на ответственную работу с группой, которая не слажена и не связана единой целью – это беда. Этот Фролов явно знал больше нас и был проинструктирован по-другому. Это было видно невооруженным глазом.

– Ладно, будем считать, что познакомились, – подвел я итог беседы и перевел взгляд на Фролова. – Что касается вас, товарищ капитан, то рекомендую вам безоговорочно выполнять все мои приказы и распоряжения. В противном случае вы рискуете остаться в одиночку посреди афганской пустыни без всяких шансов на помощь и поддержку. Выживать и добираться до России будете самостоятельно.

Фролов вдруг неожиданно приятно улыбнулся, глаза его потеплели.

– Запомните эти слова, майор. И повторите их, когда мы приземлимся.

Вот тут-то мне стало по-настоящему тревожно.

ГЛАВА 7

Было уже за полночь, когда из пилотской кабины вышел штурман и предупредил:

– Готовьтесь! Через десять минут будем над точкой выброски.

Первым, как это обычно, снаряжение на себя надел Смола, проверил все карабины, перетряхнул парашютную сумку и поднял на меня вопросительный взгляд.

– Командир, стропореза нет.

– Главное, чтобы парашют был, – за меня ответил Удалой и в самом деле проверил наличие в камере основного парашюта.

– Если кто-то собирается со мной шутки шутить... – едко процедил Смола, выразительно поглядывая на Фролова, и недвусмысленно врезал кулаком по перегородке. – Клянись своим стволом, ему не поздоровится.

– Да не трясись ты тут своим стволом, – степенно заметил Остап, регулируя подвесную систему на своем могучем торсе. Лямки едва сходились. – Кто задумал про нас плохое, сам убьется об землю. Так уже не раз бывало.

Напялив на себя парашют и затянув лямки, я глянул в иллюминатор. Полная луна на звездном небе слепила глаза, но под крылом самолета клубились сплошные призрачно-серые облака. Значит, на земле будет полный мрак, свет луны не пробьется сквозь густую облачность. Я все еще не понимал, как мы будем искать друг друга. Кричать во все горло – крайний и самый дурной способ обозначить себя.

Я снова зашел в пилотскую кабину.

– Мне нужны спички, зажигалка, фонарик – все, что может источать свет!

Командир самолета долго ковырялся сначала в правом кармане брюк, а левой рукой удерживал штурвал, потом наоборот.

– Вот, – сказал он, протягивая мне зажигалку. – Все, что есть.

Я чиркнул. Колесико высекло искры, но пламени не было. Зажигалка была без газа.

Ни времени, ни газа. Я чертыхнулся, сунул зажигалку в карман и вернулся в отсек. При большом желании можно попытаться из искры воспламенить сухой мох, разжечь костер, и на него, как на маяк, соберется вся группа. В июне в Афгане дожди – большая редкость. А север Афгана – это преимущественно пустыни, где полно сухих колючек.

Так и решил: я прыгну первым, разожгу костер и встречу ребят.

Самолет сбавил скорость. Бойцы встали в строй. Я осмотрел каждого, проверил и подтянул экипировку. Фролов демонстративно стоял в стороне. В отсек вышел борттехник, показал пальцами букву «О», убедился, что я утвердительно кивнул, и запустил гидравлику управления рампой.

– Я иду первым! – громко объявил я. Ворвавшийся в отсек ледяной вихрь загудел, засвистел, поигрался такелажем, взметнул в воздух брошенные кем-то газеты и обертки от печенья. – Попытаюсь разжечь костер. Если по каким-то причинам вы не увидите огня, то сориентируйтесь и следуйте на север...

Я сделал паузу. Моим парням не надо было объяснять, как ориентироваться в пустыне беззвездной ночью. Но с нами была темная лошадка Фролов. Пропадет ведь, чудила! Наверняка ведь никакого опыта по выживанию у него нет.

– Для тех, кто не в курсе, объясняю: летом на север указывает пологий склон барханов и песчаных заносов.

Фролов по-прежнему стоял в стороне, слушал меня и ухмылялся. Зев рампы становился все шире. Загорелась красная сигнальная лампа. Самолет достиг заданной точки. Борттехник махнул рукой, мол, можно начинать.

Но едва я шагнул к черной студеной бездне, как Фролов перегородил мне путь и поднял руку, удерживая в ней круглый, ярко светящийся предмет:

– Всем внимание! Даю каждому маячок желтого цвета. Включается и выключается легко, горит ярко и долго. Прошу закрепить его на груди. У меня маячок красного цвета! Советую всем двигаться на красный цвет! Чем быстрее мы соберемся, тем быстрее найдем тайник с экипировкой и приступим к выполнению задачи.

Фролов высыпал мне в ладонь легкие, похожие на игровые жетоны маячки, повернулся и, разбежавшись по рампе, нырнул в ревущую мглу.

Я окаменел, словно на меня ушат грязной воды вылили. Вот так опустил меня офицер ФСО Фролов. Бойцы смотрели на меня, в их глазах читался вопрос: так что делать будем, командир? На костер идти или на красный маячок?

Гордыню я подавил в себе легко, как делал это всегда. Впрочем, уязвленным самолюбием я никогда не страдаю. Когда вопрос касается жизни и благополучия моих бойцов, я напрочь забываю о себе и своей репутации. Мне решительно наплевать на то, как я выгляжу в чужих глазах. Ну, оказались маячки у Фролова, а не у меня. Значит, так кому-то было надо. Пять маячков лучше одного сомнительного костра. Значит, надо поблагодарить судьбу и с улыбкой сигать с самолета в неведомую и опасную черноту.

Я раздал всем маячки, включил и закрепил на груди свой и канул в бездну.

ГЛАВА 8

Свист в ушах, ощущение невесомости, хлопок, динамический удар – и я повис на стропах в полной тишине. Меня обволакивал плотный сырой туман, и чем глубже я в него погружался, тем все более слабым становился лунный свет. Наконец полная темнота окружила меня. Земли я не видел и смутно представлял, как скоро я опущусь на нее.

Приказ Кондратьева не брать с собой ничего, «вообще ничего», поставил группу в тяжелое положение. Меня начинал все сильнее беспокоить Фролов. Человек оказался не так прост, каким он мне казался сначала. Его вроде ничем не спровоцированное высокомерие и скрытая уверенность в себе настораживали меня. Последний финт с маячками вообще поставил группу почти что в зависимость от него. Я попытался его игнорировать, но не получилось. Случайно ли у него оказались маячки в то время, как у нас не оказалось ничего? Или этой чей-то умысел?

Становилось теплее и суше. Я изо всех сил всматривался вниз, но не видел ничего. Нас сбросили с высоты три тысячи метров. Время спуска до земли могло составить минут десять. На это время я и рассчитывал. Но земля все равно показалась неожиданно. Меня сориентировал остроугольный валун, на который я едва не приземлился копчиком. В последнее мгновение я увидел его слабо освещенную грань и вовремя успел отвернуть в сторону и согнуть ноги в коленях.

Удар о землю получился довольно чувствительным. Сухой порывистый ветер тотчас потащил меня по каменистой поверхности, и я здорово ободрал правую руку, прежде чем успел отстегнуть купол. А потом еще метров сто бежал за ним, спотыкаясь о камни и пытаюсь придавить ногой волоочащийся по земле фал.

Спас меня очередной валун, на который купол налип, словно марлевая повязка на рот врача. Под этот валун я и затолкал парашют вместе с подвесной системой, а сверху завалил камнями.

С возвращением в Афган, майор!

Через несколько минут я убедился, что наличие маячков в группе – это просто подарок судьбы. Вокруг меня, насколько я мог рассмотреть в желтом свете маячка сухую и крепкую, как асфальт, землю, не росло ровным счетом ничего. Ни колючки, ни мох, ни трава, как если бы это была лунная поверхность.

Я поправил ярко мерцающий на моей груди маячок и взобрался на макушку валуна, откуда мог увидеть сигнальные огни своих товарищей и красный «глаз» странного Фролова. Погода была паршивая, порывистый ветер поднял мелкую, как пудра, пыль, и она заволочла все вокруг плотным туманом. Тем не менее я сразу увидел один неподвижный желтый огонек и другой – медленно опускающийся с неба.

Отстегнув маячок, я несколько раз провел им по воздуху: сверху вниз и справа налево, обозначая крест. На нашем языке это значило: «Стою на месте!» В ответ желтый маячок обрисовал окружность – «О'кей, иду к тебе!» Через несколько минут я услышал тяжелое сопение Остапа.

Мы пожали друг другу руки, и он встал плечом к плечу со мной. Теперь мы излучали два ярко светящихся желтых пятна. Того, кто только что приземлился, тоже некоторое время волокло по пустыне – это было хорошо заметно по быстро движущемуся маячку. Он наполнил фару одинокого мотоцикла, мчащегося по афганской пустыне черт знает куда. Остап кинулся помогать и вскоре вернулся со Смолой, руки которого были ободраны так же, как и у меня. А еще через минут десять к нам присоединился и Удалой. Он выглядел лучше всех и не преминул изобразить удивление:

– А где это вы так вымазались, друзья мои?

Сейчас передо мной не стоял вопрос, как поступать дальше. Приказ, отданный мне Кондратьевым, никто не отменял, и вот пришла пора выполнить очередной его пункт – добраться до тайника. Как это сделать, покойный Кондратьев объяснил мне очень коротко: «На месте узнаешь». И в самом деле – здесь, на месте, я прекрасно знал, как это сделать: искать в пыльном мраке красный маячок, а затем следовать указаниям офицера ФСО Фролова. Вот так легко и без особых усилий меня сделали ведомым, зависимым, и у меня пока не было никаких инструментов, чтобы вернуть власть себе. Как, впрочем, яркого желанья.

Я думал о том, входил ли Фролов в изначальный замысел Кондратьева либо его представили нам в последний момент, когда стало известно об убийстве Кондратьева. Если появление Фролова в нашей группе – последствие убийства, то у меня есть повод опечалиться. Это значит, что мне не просто перестали доверять. Это могло значить, что меня стали подозревать в чем-то нехорошем и срочно ввели в группу человека, который мог бы контролировать меня.

Впрочем, был маленький момент, который отметал второй вариант. Это слова Кондратьева, которые я запомнил очень хорошо: «С собой ничего не брать. Ничего вообще». Выходит, присутствие в группе человека, который, в отличие от остальных, «возьмет с собой все» или, на худой конец, световые маячки, было определено заранее. Может быть, самим Кондратьевым?

Эта мысль меня согрела и успокоила, как всегда раньше мысли у Кондратьева вселяли в меня дух уверенности в том, что обо мне беспокоится, меня бережет великая могучая страна в лице старого опытного полковника ФСБ Кондратьева.

Жаль мужика. Не дожил до пенсии. Убили.

Знать бы, кто?

ГЛАВА 9

Песчаная грива крепкого, горького на вкус ветра хлестала по нашим лицам. Мы стояли на вершине валуна спиной к спине, лицами – на все четыре стороны, вглядываясь в мрак.

– Вижу, – сказал Остап.

Где-то в толще пыльного марева тускло горел неподвижный красный маячок. Трудно было определить до него расстояние, потому как не были видны какие-либо иные ориентиры. Так бывает ночью на море, когда отсутствует линия горизонта и вода сливается с ночным небом, и невозможно понять, что там мерцает вдали – низкая звезда или фонарь на мачте корабля.

Я отцепил от груди маячок и перекрестил ночь, рисуя крест. Я сильно сомневался в том, что наш высокопоставленный коллега знает значение этого знака, но как-то надо было налаживать коммуникацию.

Красный маячок оставался неподвижен. Фролов, по всей видимости, стоял или сидел лицом к нам и не реагировал. Возможно, он не заметил моего сигнала, и я его повторил дважды.

– Наверное, они кивают нам в ответ головой, – предположил Остап.

– Командир, я сегодня же займусь воспитанием этого связиста, – пообещал Смола и так стиснул кулаки, что хрустнули суставы пальцев.

– В ваших словах сквозит агрессия и ирония, – отозвался Удалой. – А все, может быть, объясняется просто. Он повредил ногу при приземлении. Или боится идти по пустыне один. Или воспринимает наш сигнал так: «Стой на месте, мы к тебе идем». Будь я таким же лошаурой, как он, именно так бы и подумал.

– За мной, – сказал я и прыгнул с валуна.

Песок сек лицо, забивался в рот, нос и глаза. Удалой, который, в отличие от всех нас, крайне тяжело переносил погрешности в гигиене, стянул с себя майку, повязал ее на голову и обернул вокруг лица, закрывая рот и нос.

Пока мы шли, я снова и снова убеждался в обманчивости расстояний до огоньков в кромешной тьме. Создавалось ощущение, что красный маячок удаляется от нас с той же скоростью, с какой мы к нему приближались. Уже прошло четверть часа, а мы все боролись с ветром и песком, а «красный глаз» по-прежнему мерцал где-то вдали. Иногда мне казалось, что он плавно сдвигается то вправо, то влево, но, скорее всего, это были всего лишь иллюзорные эффекты.

– Хоть бы, скотина, пошел нам навстречу, – бормотал Остап. – А если он сидит на противоположном краю глубокого ущелья?

Никто не ответил. Никто не знал, как долго нам идти, но чем дальше мы шли, тем все более странным казалось нам поведение Фролова. Возможно, Удалой прав – с ним что-то случилось и он физически не может пойти нам навстречу. Эта версия была для меня самой желанной, ибо если выяснится, что Фролов жив и здоров, а навстречу нам не пошел только по причине своей гордыни и глупого самомнения, то быть жестоким разборкам. Смола такого отношения к себе не потерпит.

– Он стоит на скале, – прикрывая глаза от песка, сказал Удалой.

– По-моему, он поднял руки вверх, – добавил Остап.

– Оттуда ему будет больно падать, – процедил Смола.

Не знаю, что они там увидели. Я лично ничего не видел, кроме темной массы скалы и тусклого красного огонька.

Вскоре мы потеряли маячок из виду, его заслонила скала, в которую мы едва не врезались лбами. Здесь, в тени, было так темно, что хоть глаз выколи. Мы продвигались вперед едва ли не на ощупь.

– Фролов! – кричал Смола. – Подай голос!

Под нашими ногами шуршали крупные осколки камней. Мы поднимались вверх по сыпучке. Склон стекал, как оползень. Если бы не скудный свет наших маячков, мы бы вообще потеряли ориентацию.

Смола резко оторвался от нас. Наверное, ему хотелось первым начистить Фролову физиономию. Следом за ним наверх устремился Остап. Вскоре я снова увидел красный маячок, а рядом с ним – два желтых.

– Этот специфический юмор нашего связиста привносит в нашу унылую и рутинную работу радость и оптимизм, – изрек Удалой, идущий следом за мной.

Мы поднялись на узкую площадку.

– Командир, – услышал я голос Смола. – Разреши мне оторвать ему голову.

– А мне – руки, – добавил Остап.

Я приблизился к бойцам. Они расступились. Кроваво-красный свет залил наши запыленные лица, и мы стали похожи на малоприятных персонажей из фильма ужасов.

Маячок Фролова был крепко вставлен в расщелину в скале. Я не без усилий выдернул его, покрутил в руке и отключил.

– Знал бы тот, кто так шутит, чем эта шутка для него обернется, – произнес Смола, оглядываясь вокруг.

ГЛАВА 10

Мы сидели под укрытием скалы в кружочке. Было около трех часов. До рассвета оставалось минимум три часа.

Смола предлагал разбираться на пары и начать прочесывать все вокруг, чтобы найти мерзавца и без наркоза поменять местами его сердце и кишки. Остап подпер крупную голову рукой и делал вид, что дремлет. Удалой внимательно рассматривал и ковырял ногтем свой маячок.

Конечно, Смола был не настолько глуп, чтобы предлагать столь откровенную и неконструктивную авантюру. На самом деле он вовсе не собирался блуждать в потемках и скулить: «Фролов! Фролов! Ау!» Просто его горячие эмоции нуждались в высвобождении. Что касается двух других бойцов, то у них либо вообще отсутствовал какой-либо план действий, либо они не рисковали предать его огласке. Бойцам в этом отношении всегда проще. Принимать решение положено командиру, а также и отвечать за его последствия. Мне и карты в руки.

Все ждали, что я скажу.

Среди своих парней я экстраверт. Я стараюсь озвучивать свои мысли и вообще быть предельно прозрачными, как сырая креветка. Я никогда с ними не играю и старюсь, чтобы они никогда не заподозрили во мне интригана или заговорщика. Под пули спокойно идти можно только в том случае, если бойцы доверяют тебе, как самим себе.

Поэтому я начал размышлять вслух:

– Мы ничего с собой не взяли – таков был замысел руководителей операции. Нам придали Фролова, у которого оказались маячки и, насколько я понимаю, этим не ограничивается список взятых им с собой предметов.

– Да, – не открывая глаз, согласился Остап. – Карманы его жилетки трещали. Там всякого барахла много.

– Ситуация может идти по двум вариантам. Первый: Фролов делает именно то, что было определено руководством. Игра с маячками была придумана заранее.

– Времени жалко, – отозвался Удалой. – Сколько полезного можно было сделать, пока мы брели на маячок и пока здесь сидим.

– Вариант второй, – продолжал я, кивком соглашаясь с логикой Удалого. – Ситуация радикально изменилась, в результате чего Фролов не смог встретить нас здесь, но сумел закрепить маячок на скале.

– Я больше склоняюсь ко второму варианту, – сказал Остап.

– Я тоже, – согласился я. – Оставив маячок включенным на возвышении, он хотел привести нас на это место. Мы пришли. Больше никаких знаков мы не нашли.

– Хоть бы кровью на стене что-нибудь написал, – проворчал Смола.

В целях безопасности мы не стали разжигать костер и тупо сидели под прикрытием скалы, прислушиваясь к завываниям ветра. Первый раз за всю свою службу в ВДВ я оказался в столь неблагодарной роли. Я был не просто полностью зависим от незнакомого мне начальника в лице Фролова. Я был лишен права на инициативу, на принятие решения. У меня не было ни оружия, ни информации. А без этих двух составляющих боевое подразделение функционировать не может. Мы были как пионеры, которых потеряла пионервожатая.

Светало медленно и очень тяжело, как в зимнее туманное утро. Ветер несколько успокоился, но пыль все еще висела в воздухе, и солнечные лучи безнадежно увязали в ее толще. Мы начинали различать призрачные очертания валунов, песчаные заносы и каменистые осыпи. Неуютное местечко!

Пока мои бойцы еще продолжали дремать, я вскарабкался на вершину скалы и оттуда осмотрелся. Горизонт был весь затянут пылью, и я ничего особенного не разглядел, кроме унылых пустынных холмов. Западнее, километрах в трех от нас, едва различались серо-желтые дувалы кишлака. И ничего больше. И что нам теперь делать дальше? Сколько ждать? И, главное, чего ждать? Скоро взойдет солнце, и начнется нестерпимая жара. У нас ни воды, ни еды.

Я уже собрался спуститься вниз, как вдруг увидел совсем недалеко от нас расстеленный на земле и прижатый камнями парашют. Свои мы спрятали там, где приземлились. Это мог быть парашют только Фролова!

– Вот и новый знак, – сказал я.

– Если под парашютом мы сейчас найдем спящего Фролова... – с нескрываемой угрозой произнес Смола. – Клянусь своим стволом, я из него бешбармак сделаю.

– Как бы он не оказался спящим вечным сном, – мрачно добавил Остап.

Мы поспешили к находке, которая ходила волнами под порывами ветра. Остап оглядывался и хмурился. Удалой смотрел на обрезанные фалы, похожие на змеиный выводок, и удивленно кривил рот.

Смола первым приблизился к парашюту, присел возле него и откинул край. Я был еще на расстоянии нескольких десятков шагов, и мне показалось, что под парашютом, в самом деле, лежит человек в песчаном костюме.

Смола выпрямился, осмотрелся вокруг и повернулся ко мне.

– Я не могу понять, какого хера он не закрепил маячок здесь? Мы бы нашли все это еще ночью.

Под парашютом, в неглубокой выемке, лежали песчаного цвета рюкзаки, четыре пары новеньких высоких ботинок на шнуровке, каски и винтовки.

Удалой первым выбрал себе снайперскую винтовку «М21», передернул затвор, прикинул к оптическому прицелу и посмотрел сквозь него по сторонам.

– Я с детства люблю подарки, – сказал он. – Особенно американские. Вот такой я непатриот.

Мы начали распаковывать рюкзаки. В них оказались комплекты песчаного камуфляжного обмундирования.

– Этот мне будет маловат, – взглянув на бирку с размером, сказал Остап и кинул комплект Смоле. – В натовской форме еще не щеголял, красавец?

Смола рассматривал штурмовую винтовку с сошками и длинной дульной муфтой и играл желваками.

– С этой штукой мне сразу стало как-то веселее жить, – признался он, убедившись, что магазин под завязку набит патронами. – А где же голубчик Фролов?

– А это тебе персонально, командир, – сказал Остап, кидая мне рюкзак с биркой «Commander».

Мы вытряхивали содержимое рюкзаков и примеряли обновку. Я обратил внимание, что наши размеры подобраны очень точно. Во всяком случае, ботинки, которые я надел, сидели на мне как родные.

Кроме формы, в рюкзаках моих бойцов не было больше ничего. В предназначенном мне рюкзаке я нашел еще старый запыленный смартфон и пару плоских аккумуляторов к нему. Осмотрел его со всех сторон, включил. Едва аппарат нашел сеть, из динамика хрипло зазвучала старая фронтовая песня «Катюша». Остап даже рот раскрыл, а Удалой изобразил что-то вроде танца, притопнул, хлопнул себя по голенищам ботинок и широко расставил руки в стороны.

Я поднес трубку к уху и услышал:

– Майор, ждите SMS, а затем переведите смартфон в режим навигатора и забейте полученные координаты. Следуйте до указанной точки, затем получите новое целеуказание...

– Вообще-то, сначала надо поздороваться, а затем представиться, – сказал я, но мой абонент уже отключился.

Бойцы продолжали застегиваться и зашнуровываться. Остап успел даже нахлобучить на себя каску. Он положил винтовку себе на плечо и, гримасничая, изобразил широкую улыбку.

– Я похож на американского солдата? – спросил он.

– Ты похож на оплавленную солнцем восковую фигуру «Принц Гарри в Афганистане», – ответил Удалой. – Командир, можно?

Он взял у меня смартфон, стал нажимать на кнопки.

– Номер, разумеется, не определен.

– Скорее всего, это был Фролов, – сказал я, отцепляя от майки маячок и заталкивая его в нагрудный карман новенькой, еще пахнущей складом и краской куртки. – Голос похож. Я не пойму, почему нас ведут к цели вслепую.

– По двадцать патронов на брата, – скептически заметил Смола, отстегивая и снова пристегивая магазин. – Маловато. Но нам, кажется, обещали еще взрывчатку.

– А я бы и от сухпайка не отказался, – добавил Остап.

Мне нечего было на это ответить, как и на многие другие вопросы бойцов, которые наверняка вертелись у них на языке. Смартфон пискнул, на экране замерцал конверт – символ пришедшей SMS.

Всего несколько цифр: 36°59'23.22»С – 66°26'1.03»В. Наш гид по афганским пустыням оказался не только весьма немногословным, но и вообще скупым на всякую информацию. Я переключил аппарат на прием навигационных спутников. Вскоре высветилась карта и наше место на ней. Мы находились на самом севере Афгана, километрах в тридцати пяти от туркменской границы и в тридцати километрах от ближайшего города. Наименования кишлаков, разбросанных повсюду, на карте не обозначались. Я ввел в поиск координаты, которые пришли с SMS. Идти, к моему удивлению, оказалось всего ничего: не более четырех километров на юго-запад.

Я осмотрел новый прикид своих бойцов. К подобным маскарадам мы давно привыкли. За время нашей бурной службы во что только мы не переодевались. Мы были и моряками, и летчиками, спасателями и врачами. Самый забавный случай был три года назад. Нам тогда пришлось работать в весьма жутком месте, страшнее которого трудно представить. С трех раз не угадаете, где такое находится. В центре Москвы, 31 декабря! Безумные толпы народа, все красивые и пьяные, хлопки петард, файеры, крики-вопли! Не приведи господь... Подняли нас по тревоге где-то в обед, переодели в Деды Морозов и высадили на Тверской, недалеко от Пушкинской площади. Представляете, какое там столпотворение было? Пистолеты с глушителями мы держали в карманах, и они выпирали оттуда, как... в общем, даже не знаю, с чем сравнить. В красных мешках – мятые газеты для объема. Двое из нас шли по одной стороне улицы, двое – по другой. Приближались к большущему ювелирному магазину. По оперативным данным, банда отморожков готовилась напасть на инкассаторский броневик, их надо было взять живыми, так как на их счету уже было два ограбления, кучу денег где-то спрятали. Милиция расписалась в собственном бессилии: открывать пальбу в таком месте – безумие. Министр МВД кинулся в ноги главкому ВДВ. Никого не нашли, кроме нас. Я был уже чуть подвыпивший, и это, может быть, тогда меня и спасло. Ни одного случайного прохожего не задело. Остап получил две пули в руку, я – одну в живот, под печень. Зато бандитов мы хорошо накормили снегом с реагентами. Народ даже не понял, что произошло. Подумали, что Деды Морозы напились и начали петардами хлопать, толкаться и по снегу валяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.